

Walentyn Nikolajewicz Wandyszew

Państwowy Uniwersytet
w Sumach

University in Sumy
Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Spółeczny wymiar fenomenu wartości w epoce globalizacji

Social Measurements of the Phenomenon of Value during the Epoch of Globalization

Słowa kluczowe: wartości, aksjologia, jednostka, globalizm, ideały.

Key words: values, axiology, human person, globalize, ideals.

Streszczenie

Twórczość w swej istocie wymaga prze-myślenia podstaw społecznych i zmusza do zapytania o jej sens, o stosunek jej wyników do człowieka, o cele, ideały i normy, którymi w swoim działaniu musi się kierować uczony. Należy tu szczególnie pamiętać o negatywnych dla środowiska naturalnego skutkach szeregu naukowych i technicznych innowacji. Humanisci już od dawna krytykują jednostronne rozumienie wartości w świecie industrialnym. Aurelio Peccei głosi na przykład koncepcję, w której celem byłby ludzki rozwój i pełna samorealizacja człowieka.

Rozwój problemów aksjologicznych jest obecnie faktem. Wymagają one sprecyzowania kryteriów dla różnych nauk badających odmienne dziedziny wartości: przyrodniczych i społecznych. Gdy obiektywnym źródłem wartości jest praktyka, nie ma potrzeby ogra-

Abstract

Creativity inherently requires judgement of the social bases and is set by questions on sense of creativity, on the relation of its results to the person, about the purposes, ideals and norms by which the scientist in the activity should be guided. We shall recollect negative ecological consequences of some scientific and technical innovations. Humanistic the focused thinkers for a long time criticize unilateral understanding of values in the industrial world. So, A.Pechchei insisted on the concept in which basis human development would lay, self-expression and full disclosing of abilities of the human person.

Development of problems axiology is actual, requires specification of criteria for the different sciences studying different classes of values, dividing them on natural and public. If any value objectively has the source

niczać dziedziny fenomenów aksjologicznych wyłącznie do duchowego życia społeczeństwa.

Wartość jest pozytywną ważnością różnorodnych zjawisk w sferze społeczno-historycznej aktywności człowieka. Większość współczesnych uczonych uważa, że wartości, powstające w wyniku praktycznego stosunku ludzi do rzeczywistości, są obiektywne ze swej natury, gdyż nie zależą od subiektywnego rozumienia. Obiektywnie istniejąca wartość wraz ze stosunkiem wartościowym jest przedmiotem oceny społecznej, w rezultacie więc rozstrzyga się teoriopoznawczy aspekt zagadnienia wartości.

Epoka współczesna, epoka panowania ekonomii i globalnej polityki, ponownie przypomina nam, iż problem wartości jako celu dążeń i jako przedmiotu nieustannego filozoficznego namysłu, pozostaje nadal aktualny.

a practice, apparently, there are no sufficient bases to close sphere of valuable phenomena exclusively spiritual life of a society.

Value is the positive importance of those or other phenomena in system of socio-historical activity of the person. The majority of modern scientists believe, that the value arising from the practical attitude of people to the validity, it is objective by the nature for does not depend on the realized attitude to it. Value, existing objectively, within the limits of the valuable attitude, is exposed to an estimation from the social subject and, thus, the gnosiological aspect of a problem of values is fixed.

The modern epoch, an epoch of domination of economy and policy globalize, again reminds us, that a problem of values, as object of desires and as subject for permanent philosophical reconsideration, still remains actual.

Предваряя настоящую статью, следует отметить, что заинтересованное и систематическое изучение проблем теории ценностей началось в отечественной философско-социологической литературе только с середины 1960-х годов. До этого времени многообразные культурные феномены были рассматриваемы по преимуществу вне их ценностной интерпретации.

Такое положение вещей объяснимо, поскольку связано с объективными социальными причинами. Господство командно-административного стиля управления экономикой, политикой, идеологией и искусством выразилось в тенденции жесткой регламентации индивидуальной деятельности. Случилось так, что сама возможность творчества, и особенно творчества в области политики и идеологии отчуждалась от конкретного человека и становилась исключительно прерогативой, одной из функций абстрактно-всеобщего административной системы.

В силу очевидного диктата господствующих идеологических стереотипов материальные и духовные ценности не могли в полной мере служить не только всестороннему развитию личности, столь активно декларируемому официально, но и развитию личности как таковому. Ведь формирование личности немислимо вне творчества, вне права на активную жизненную позицию. В такой ситуации научное творчество весьма часто «замешивалось» на мифологии, слепой вере в авторитеты, ориентации на указания «сверху». И если творчество не приходит к необходимости глубокого осмысления своих собственных социальных оснований, не задается вопросами «в чём смысл творческой деятельности?», «каково отношение творчества и его результатов к человеку?», «какими целями, идеалами, нормами должен руководствоваться ученый в своей деятельности?» и им подобными, то это, по меньшей мере, неудовлетворительно.

А по большому счёту, при таком подходе появляется реальная опасность превращения самого творчества в разновидность просвещенного эгоизма или даже рационализованного безобразия. Достаточно вспомнить, например, негативные экологические последствия применения научного и технического творчества. Гуманистически ориентированные мыслители уже давно обратили внимание на одностороннее понимание ценностей в индустриальном мире. Так, Аурелио Печчеи отмечал необходимость «... как можно скорее перейти от концепции, ориентированной на человеческие потребности и их удовлетворение, к другому понятию, в основе которого лежало бы человеческое развитие, а главной целью стало бы самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности»¹.

В общественном стремлении превратить самое творчество в разновидность просвещенного эгоизма приводило к исключению всех смысловых различительных (аксиологических) аспектов культуры как специального объекта анализа. Тем самым культура как объект исследования фактически подменялась иными аспектами реальности.

В настоящее время достигнуты значительные успехи в философском обосновании сущности ценностных феноменов, познании духовных ценностей и их специфики, в углубленном изучении проблем ценности в западной философии и социологии, есть определённое количество работ отечественных исследователей. Тем не менее, задача разработки проблем аксиологии остаётся актуальной, что побуждает сформулировать критерии, т.е. подвести единые методологические установки под различные науки, изучающие разные классы ценностей.

Предпосылая попытке осмысления феномена ценности в русле общесоциологической теории несколько предварительных замечаний, необходимо акцентировать внимание на тех точках зрения, которые нам кажутся недостаточно обоснованными. Это, во-первых, позиция, сторонники которой полагают, что ценности суть объективные свойства вещей, коренящиеся в их собственной природе. Отсюда и соответствующее представление о разделении ценностей на естественные и общественные. Сторонники другой точки зрения считают необходимым ограничивать сферу ценностей исключительно общественным сознанием. Первая точка зрения ведет к своеобразной натурализации ценностных феноменов, к необходимости представить категорию «ценности» как универсальную, отражающую свойства и природного, и социального мира². В этом случае в сферу теоретического анализа попадают не только ценностные отношения, но и более широкие отношения – отношения «значимости». Универсализация социальной категории ведет к смешению различных уровней исследования. Понятийный аппарат, соответствующий

¹ А. Печчеи, *Человеческие качества*, Москва 1985, с. 229.

² См.: В.Л. Иноземцев, *К концепции постэкономического общества*, Москва 1998.

общесоциологическому уровню анализа, здесь, следовательно, не может достаточно адекватно отражать реально существующий феномен.

С другой стороны, ограничение ценностных феноменов сферой только общественного сознания представляется нам также малопродуктивным. Именно эту точку зрения обозначил И.С. Нарский: «...Ценности – это главным образом идеалы общественной, а на этой основе и личной деятельности»³. Если любая ценность имеет своим источником практику, и именно последняя является объективным определителем ценности, то, по-видимому, нет достаточных оснований замыкать сферу ценностных феноменов исключительно духовной жизнью общества. Потому что, и в самом деле, многообразие общественных потребностей и исторической практики является источником самых различных ценностей – материальных, социально-политических, научных, нравственных и эстетических, которые представляют собой в единстве многокрасочную палитру человеческой культуры.

Приводимые для обоснования вышеуказанной точки зрения аргументы обосновываются потребностью отделить ценностные свойства от отношений «полезности». В ареал влияния последних в условиях современного индустриального производства попадают тиражируемые в массовом масштабе товары, услуги и т.п., которые должны проявляться для человека только как средство (полезность), а не цель (ценность). Но путём искусственного сужения сферы ценностей мы не добиваемся желаемого результата: подвижная грань между «ценностью» и «полезностью» остаётся неопределённой.

Дискуссии, направленные против отождествления этих понятий правомерны лишь в той мере, в которой нецелесообразно отождествлять сущность и явление, субстанциональные и функциональные характеристики этих феноменов. На примере эволюции конкретных ценностных отношений можно показать, что сущность ценности в конкретно-исторических условиях может проявляться в форме непосредственного существования как полезность. Можно было бы привести многочисленные примеры того, как варварское применение достижений научно-технического творчества в современных условиях демонстрирует то, что порой аксиологические характеристики науки и техники оборачиваются полезностью или даже антиценностью для человеческой цивилизации.

Мы исходим из того, что ценность – явление общественное. Любой естественный или искусственный предмет, явление или событие, охваченные общественными отношениями, становятся в то же время общественным предметом, где снимается определённость его естественной природы. Его появление, существование и исчезновение не подчинены ныне только природным, естественным ритмам. Становясь необходимым элементом человеческой жизнедеятельности, общественный предмет включается

³ И. С. Нарский, *Диалектическое противоречие и логика познания*, Москва 1969, с. 214.

в социально-исторические пространственно-временные ритмы и живет до тех пор, пока удовлетворяет какие-либо общественные потребности. Не существуя вне своего естественного субстрата, он вместе с тем есть совокупность «ролей», «функций», приданных предмету человеком, который благодаря этому сам «становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»⁴.

Таким образом, ценность может быть свойством общественного предмета, не сводящегося к его естественно-природному субстрату, не включенному в контекст общественных отношений.

Ценностные свойства объектов, так или иначе, рассматриваются в русле других основных проблем различными науками. Так, этика имеет целью выяснение значения ценностей нравственных; эстетика исследует ценности художественные; социальная психология акцентирует внимание на исследовании проблем ценностных ориентации личности; политическая экономия имеет дело по преимуществу с ценностями экономическими, такими как общественная стоимость товаров и т.д. Хотя нам очевидно, что плодотворное решение конкретных вопросов невозможно без социально-философского анализа самих ценностей.

Поэтому здесь важно осознать закономерности того процесса исследования, который переводит феномен ценности в плоскость теоретического анализа философско-социологической теории. Общая социология оперирует абстрактными категориями, имеющими не непосредственное отношение к действительности, но опосредованное.

Здесь исследование опирается на эмпирическое знание, но его надлежит преломить в объекте теоретического знания так, чтобы изучаемый процесс (явление) выступил в «чистом виде» и утверждения о нем приобрели необходимый характер для всех возможных контекстов существования изучаемого явления.

Известно, что в процессе практического освоения действительности человек познаёт и преобразует окружающий мир. Результат человеческой активности проявляется в виде самого общественного предмета и его свойств, которые есть опредмеченная сущность человека в его отношении к другим людям, имеющая объективный характер. Материально-вещественные формы бытия общественного предмета и их эволюция – только телесная форма трансляции опредмеченных в нём сущностных сил человека.

Вместе с тем в общественном предмете реализуются социальные цели деятельности, образующие всегда исторически определенную *общественную форму его бытия*, благодаря которой он становится *целесообразным, осмысленным*. На каждом конкретно-историческом этапе общественного развития человек воплощает (объективирует) в общественном предмете не

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*, 2-е изд., т. 42, с. 121.

только цели, задаваемые прошлым историческим движением, но и формулирует, воплощает новые цели, выходя таким образом за рамки внешней целесообразности. И именно в силу последнего обстоятельства человек выступает творческим существом, реализующим в общественном предмете свои универсальные способности и потребности. Человек обладает способностью дать новые формы движения предметного мира, а посредством предметного мира – своим сущностным силам.

Именно творческая деятельность связана с созданием материальных и духовных ценностей, которые обладают новизной и значимостью. И именно в рамках отношения общественного предмета, обладающего соответствующими качествами, с одной стороны, и социального субъекта, с другой, проявляется ценность предметов для человека, ценность как феномен особой социальной значимости.

Очевидно, что ценность возникает из общественных отношений по поводу производства ценностного объекта. Именно здесь первоисточник аксиологических свойств объекта, которые проявляются, актуализируются через субъектно-объектное отношение как своеобразное «потребление» не вещества природы, а опредмеченных в общественном предмете общественных отношений. Поэтому действительная «общественная субстанция» (сущность) ценности – *общественные отношения как обмен творческой деятельностью* (**заметьте**, именно творческой деятельностью) в процессе её производства и возникновения. Важно учесть также и опредмеченные в ценностном объекте общественные отношения, складывающиеся в процессе потребления или присвоения его.

Следует различать понятия «ценность» и «значимость», ибо значимое отношение, понимаемое в широком смысле, – более универсально, оно существует вообще в живой природе (например, значение тех или иных элементов естественной среды для ориентировочной деятельности животных). Ценностные же отношения – особая группа отношений значимости, их превращенная форма, реализующаяся только в человеческом обществе и лишь благодаря этому существующая как социальный феномен. Видимо, правильнее говорить о близости понятий «ценности» и «социальной значимости», хотя это и не предполагает их тождества. Понятие «ценность», по нашему мнению, уже по объему, так как предполагает такую группу отношений социальной значимости, которые соотносятся только с прогрессивной линией общественного развития, с интересами прогрессивных сил общества. А.М. Коршунов справедливо отмечает, что «не следует всякую значимость интерпретировать в качестве ценности. Ценность есть *положительная значимость или функция тех или иных явлений в системе общественно-исторической деятельности человека. Этим самым мы ограничиваем сферу ценности, понимая ее как одну из форм значимости*»⁵.

⁵ А. М. Коршунов, *Социальное познание, ценность и оценка*, „Философские науки” 1977, № 6, с. 56.

Большинство современных авторов приходит к мнению, что ценность, возникающая из практического отношения людей к действительности, объективна по своей природе, ибо не зависит от осознанного отношения к ней. Ценность, существуя объективно, в рамках ценностного отношения, подвергается оценке со стороны социального субъекта и, таким образом, здесь для нас на первый план выступает уже гносеологический аспект проблемы ценностей.

Следует сказать, что при теоретико-познавательном отношении к действительности человек производит оценку, которая стремится зафиксировать объект, существующий вне человека и безотносительно к нему. В данной оценке не отражаются прямо и непосредственно социальные интересы и потребности оценивающего субъекта, а только знание об объекте «как таковом» в его естественных свойствах. В силу того, что любой объект познания вовлекается в общественно-историческую практику, становится общественным предметом, возникает необходимость отразить его в плане значимости для человеческой деятельности. Адекватность социальной оценки, стало быть, заключается в степени её соответствия интересам и потребностям социальных сил, интересы и социальная роль которых отвечают в данный момент прогрессивной линии развития общества.

Ситуация может быть лучше понята, если принять во внимание диалектику теоретико-познавательного и ценностного отношения к действительности. Наличие ценностных элементов в когнитивном аспекте выступает скрытой предпосылкой суждений о существующей реальности и своеобразным гарантом практической применимости научного знания. И, наоборот, знание о существующей действительности – всегда неявная предпосылка суждений о должном и мера их истинности. Иначе говоря, как в научном знании незримо присутствуют ценностные элементы, так и в ценностных суждениях – научное знание. Последнее можно продемонстрировать на примере известного высказывания Дж. Верна: «Наука должна служить только добру! Нельзя допустить, чтобы она опережала уровень нравственности»⁶. В этом суждении, несмотря на его прескриптивный характер, содержатся в «снятом» виде многообразные знания о положении науки в обществе и ее противоречивых связях с другими элементами человеческой культуры.

Современный этап развития человечества связан с осмыслением ценностей, присущих эпохе глобализм. И обратить внимание следует, по-видимому, на главное затруднения, которое испытывает современное общество, а это – отсутствие цели. Вне всякого сомнения, общество хочет быть «сильным», но быть сильным, не значит быть целенаправленным. Будучи объективной тенденцией мирового развития, глобализация ослабляет барьеры между суверенными государствами, преобразует внутренние социальные отношения, разрушает культурные табу, жёстко отсекает всяческий партикуляризм,

⁶ Цит. по: В. П. Тугаринов, *Теория ценностей в марксизме*, Ленинград 1968, с. 83.

беспощадно наказывает неэффективность и поощряет международных чемпионов эффективности.

Обеспокоенность перспективами развития современного общества, побуждает к определённым прогнозам. Всякие прогнозы нуждаются в адекватной интерпретации. Они также требуют каких-то процедур, которые позволят убедиться в значимости ответов. К тому же важна реальная потребность в ответе для современного общества, раздираемого сомнениями и противоречиями. Человечеству трудно прийти к какому-то логическому или рациональному решению, может быть потому, что проблема будущего содержит слишком много неизвестных.

Трудно однозначно сказать, находится ли современное общество на стадии своего расцвета, но то, что *существует культура эпохи глобализма*, что существуют определённые структуры культуры, несомненно. Как и всякая иная, наша культура основана на архетипах и парадигмах, то есть на значимых образах и символически значимых сценах из жизни тех, кто воплощает ценности этого общества. Те, кто привык к пониманию этих ценностей, могут оказать помощь и руководство. Но сегодняшняя ситуация в мире характеризуется разрушением почти всех традиций, а великие образы прошлого кажутся лишёнными ценности и значения. Поэтому сегодня как никогда остро – а для любого поколения это «как никогда» всегда встаёт во всей своей глобальной значимости – возникает потребность в том, чтобы найти новые образы, значимые вне всяких региональных культурных ограничений, можно сказать «транскультурные» ценности, укоренённые в общем опыте всех людей.

Ряд особенностей нынешнего этапа глобализации отмечает А.И. Уткин⁷.

- А) Глобализация затронула лишь часть мирового сообщества. Ею практически не затронуты Африка, почти вся Латинская Америка, Ближний Восток (кроме Израиля), огромные регионы Азии;
- Б) Подлинно глобальным является лишь рынок капиталов. Капитал безо всяких ограничений мигрирует между развитыми странами и за их пределами;
- В) Глобализация требует унификации условий, хотя реально этого нет. В период азиатского экономического кризиса 1998-9 гг. США били рекорды промышленного роста, Европа страдала от безработицы, а Китай шёл своим путём;
- Г) Рынок не является географически глобальным. Ряд экономических параметров ведущих стран ориентированы на внутреннее потребление.

Решающей ценностью глобального мира оказывается качество и количество услуг и товаров. Таким образом, потребительство и реклама его атрибутов стали культурой глобального мира. Такого рода представления весьма значимы. Они свидетельствуют о достигнутом уровне понимания происходящих изменений в мире. Желая ослабить прессинг негативных последствий из-за

⁷ А. И. Уткин, *Главный процесс эпохи*, „США. Канада: Экономика-политика-культура” 2001, № 3, с. 42-60.

огромных расходов энергоносителей при производстве массы товаров, производители предпринимают колоссальные усилия. Так, сокращая энергопотребление на своих нефтеперегонных и химических предприятиях, и используя энергоэффективное оборудование, компании существенно уменьшают техногенную нагрузку на окружающую среду.

Новой, *осознаваемой как ценность*, ценностью становится чистая земля, вода и воздух. Если же учесть, что сегодня происходят радикальные изменения в области создания гиперавтомобилей, потребляющих до двух литров горючего на сто километров, в области создания энергоэффективной электроосветительной и холодильной техники, строительных технологий, сельскохозяйственного производства, повторного использования сырья и материалов, утилизации мусора и т.п., то, очевидно, что грядут серьезные положительные изменения в области сохранения и улучшения окружающих нас природных условий. Так что утверждение новых ценностей стимулирует и изменения в области производственной деятельности человечества.

Глобализация находит своё выражение и в интеллектуально-информационном прогрессе. Развитие новых технологий двинулось в том направлении, где главными факторами производства стали способности и знания работников как новые, опять же *осознаваемые как ценности*, – неотчуждаемые свойства каждого человека. А прогресс техники обеспечил реальную возможность личного владения средствами создания современных информационных продуктов. Собственники гигантов материального производства, еще несколько десятилетий тому назад доминировавшие в обществе, сегодня начинают зависеть от обладателей информации и знаний, переоцененных настолько, что им становится всё легче устанавливать контроль над промышленными империями.

Здесь нельзя не отметить, что желанная независимость интеллектуального работника от владельцев собственности на материальные средства производства стала свершившимся фактом только в западных странах; там же, где недавно правили коммунисты, подавляющее большинство людей остаются в жесточайшей зависимости от новоявленных владельцев производственных мощностей и естественных ресурсов. Ценность материального здесь по-прежнему остаётся доминирующей.

Современная технологическая революция впервые в истории обеспечила удовлетворение основных материальных потребностей большинства членов общества и сделала совершенствование самого человека не только делом его личного выбора, но и главным условием его социального признания. Сегодня, когда потребность в самосовершенствовании еще не стала столь преобладающей, каким недавно было повышение уровня материального благосостояния, в обществе действует механизм, стимулирующий постоянное развитие человеком своего интеллектуального потенциала, создающий конкуренцию знаний, подчас не менее жесткую, чем конкуренция собственности.

В.Л. Иноземцев вполне справедливо замечает, что поэтому нельзя не принимать во внимание, что человечество способно в ближайшие десятилетия достичь не только качественно нового уровня технологического и интеллектуального прогресса, но и невиданного ранее накала социальных противоречий и столкновений. «На сей раз это вряд ли будут противостояния политических кланов, партий или даже отдельных общественных классов. Конфликты нового периода могут явиться из некоего сложного переплетения противоречий, возникающих между отдельными индивидами или между их сообществами, объединенными по параметрам сугубо субъективного характера»⁸.

Самое неудовлетворительное в нынешней ситуации то, что впервые в истории западных обществ на фоне возрастающего количества богатых людей общее благосостояние не возрастало. Именно в этом факте, возможно, и коренятся истоки нарастающей волны антиглобализма.

Современная эпоха, которая получила определение эпохи глобализма, хотя и отличается по своим экономическим, политическим и социальным параметрам от предшествующих, тем не менее, и она вновь напоминает нам, что проблема ценностей, как объекта вожделиний и как предмета для перманентного философского переосмысления, по-прежнему остаётся актуальной.

⁸ В. Л. Иноземцев, *К концепции постэкономического общества*, с. 481-482.